

УДК 641.55
ББК 36.997
И87

Дизайн оформления *В. Терещенко*

Исмаилова, Эсмира.
И87 На берегах Босфора : Стамбул в рецептах, историях и криках чаек / Эсмира Исмаилова. – Москва : Эксмо, 2020. – 288 с. : ил. – (Есть. Читать. Любить).

ISBN 978-5-04-097943-1

Аромат турецкого кофе, хрустящий симит на набережной района Ортакей, крик чаек над лабиринтом рыбного рынка, – Стамбул, единжды запавший в душу, не отпустит никогда. Дебютная книга Эсмиры не просто гид по красивым местам города и не еще один кулинарный путеводитель – это история о том, как познать стамбульский кейф, научиться никуда не спешить, наслаждаться янтарным менеменом на завтрак, маленькими глоточками пить тюрк кахвеси с послевкусием корицы и кардамона, следить за вальсом чаинок в тюльпанообразном бокале и вдыхать полной грудью запах Босфора и гранатового сока. Книга о рецептах, которым не одна сотня лет, о людях, чьи истории так и просятся на страницы романа, о бесконечно красивом городе на берегах Босфора.

УДК 641.55
ББК 36.997

ISBN 978-5-04-097943-1

© Э.Исмаилова, текст, фото, 2020
© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Содержание

- Пролог . . . **7**
- Дружеское рукопожатие (вместо предисловия) . . . **11**
- Notre Dame de Lourdes с видом на черепичные крыши . . . **17**
- Загадочный кейф с ароматом свежесваренного кофе . . . **36**
- Романтическое утро в фахверковом Бебеке . . . **53**
- Детективная история в апельсиновом городе . . . **76**
- Не называйте меня «ябанджи», или Турецкий язык с французским акцентом . . . **92**
- Стамбульская меланхолия . . . **119**
- Дорога в Шиле, или Как мы искали маяк . . . **139**
- Пера. 411-й номер свободен? . . . **156**
- Три беды стамбульских мужчин, или Что думают о них стамбульские женщины . . . **175**
- Стамбул в витрине антикварной лавки . . . **191**
- Знакомство с графом Плещеевым на Гранд-рю-де-Пера . . . **210**
- 9:05 . . . **224**
- Свидание в холодном Стамбуле, или Как завести любовника в этом городе . . . **245**
- 7 жизней и одна из них в Стамбуле. Кошки . . . **254**
- Магический круг жизни, или Последнее предсказание Румели . . . **266**
- Что я узнала о стамбульском кейфе (вместо послесловия) . . . **282**
- Список рецептов, размещенных в этой книге . . . **285**

Пролог

Еще в детстве я часто видела сны об опустевших городах, в которых одинокий ветер насвистывал тоскливую мелодию скрипучими ставнями да перекаати-поле бессмысленно кружили по заброшенным улицам. «Это всего лишь сон...» – успокаивала я себя по утрам и мгновенно забывала апокалиптические видения.

Последний год я провела в очаровательном Стамбуле, раскинувшемся пологими холмами на двух континентах, разрезанных причудливой лентой быстроводного Босфора. Стамбул никогда не спал, чем очень походил на меня, вечно мучимую бессонницей: он будил на рассвете протяжными гудками проходящих пароходов; позже его будоражили переливы печального азана; все утро он звенел голосами уличных продавцов симитами и сырной ачмы, а ближе к полудню город наполнялся шумными толпами неугомонных туристов, чьи голоса сливались в единый пронзительный гул, от которого даже голуби в испуге взлетали над площадью Султанахмет. После обеда Стамбул начинал готовиться к традиционному ужину: из распахнутых окон доносился перезвон медных сотейников, в которых тихо ворковало топленое масло с нежной мякотью

свежих артишоков. Торговцы из рыбной лавки зазывали спешащих прохожих за остатками потрошеной рыбешки хамси. «Üç günlük dünya!»¹ – кричали они и тут же захлопывали вековые ставни крохотных магазинчиков, чтобы успеть домой к ужину, приготовленному заботливыми мамами – «анне». Постепенно вечерний Стамбул медленно погружался в прохладные сапфировые ночи: он то и дело хлопал дверями нескончаемых ресторанов и забегаловок, дымил папиросками в тонких пальцах богемных красавиц, одурманенных сладковатыми парами анисовой настойки. Даже далеко за полночь этот город продолжал праздновать и балагурить: сытые и оттого счастливые кошки заводили протяжные песни под окнами моего дома. Напевшись вдоволь, они уступали сцену беспечным чайкам, которые до самого рассвета бесцеремонно кричали на крышах: птицы немислимым образом подражали человеческим интонациям, чем вынуждали сонных стамбульцев то и дело выглядывать на крохотные терраски уютных османских квартир.

Я наслаждалась оживленной стамбульской жизнью, но внезапно все изменилось. Город, не знавший тишины, в один мартовский день попросту замолчал – так нелепо и неестественно. Новость о карантине моментально разлетелась по многочисленным районам мегаполиса. Я просидела две недели дома, после чего отправилась на разведку: ну как поверить в то, что Стамбул может так просто уснуть? Но город действительно спал. Когда-то оживленные проспекты теперь походили на тоскливые картинки из моих кошмаров. Исчезли пробки из нескончаемых верениц автомобилей, и миллионы людей на улицах бесследно растворились... Я не верила глазам и, спрятавшись под стерильной маской, мелкими перебежками добралась до набережной Ортакей. Мечеть Меджидие все так же парила над шумными водами Босфора. Напуганные тишиной голуби скромно жались к гигантскому платану, не находя добросердечной старушки с семечками на ее привычном месте. Ресторанчики, из которых еще недавно на всю округу разносился пряный запах запеченного кумпира, одиноко стояли, обклеенные лентами ядовитого желтого цвета: ЗАКРЫТО.

¹ Трехдневный мир! (*тур.*). Это выражение часто используется стамбульцами для описания скоротечности времени.

Огромный город, будто разоренное гнездо, зиял темными окнами пустых отелей, задраенными дверями ресторанов; он пугал пустыми дорогами, по которым лишь изредка пробежали своры одичавших собак. Отвыкшие от людей, кошки, завидев меня, высовывали из укрытий грустные морды и долго проводжали тоскливыми взглядами.

Вскоре все усложнилось комендантским часом: выходить на улицу было запрещено под любым предлогом, и вот тогда я решила во что бы то ни стало воскресить в своей памяти прекрасный город, подаривший мне двенадцать долгих месяцев, научивший любить и ценить жизнь при любых обстоятельствах. Я смахнула пыль с розовой крышки ноутбука и унеслась в будоражащие воспоминания. Терпкие нотки турецкого кофе по утрам подогревали предвкушение новой встречи с любимым городом, разлуку с которым выносить было все труднее и труднее. Я с нетерпением ждала тот день, когда прекрасный Стамбул вновь умоется прохладным утренним дождем и после, свежий, распахнет свои объятия в тени разросшихся акаций и платанов.

Стоило подойти к рабочему столу, как гигантские чайки тут же слетались на парапет у окна и терпеливо следили за каждым моим движением. Иногда они напоминали о забытых эпизодах нежным гортанным воркованием – кому как не им, вечным преследователям блуждающих, знать всю правду?.. Я внимательно слушала и записывала все точь-в-точь, как надиктовывали эти белокрылые создания. А Стамбул, словно погруженный в летаргический сон, готовился к внезапному пробуждению – по крайней мере, я в это верила всем сердцем...

Дружеское рукопожатие (вместо предисловия)

8 февраля, 2019. Стамбул

*Горячие каштаны под февральским снегом. –
Неожиданная встреча с НИМ. – Безупречный костюм
сафари и песни цикад. – Кризис среднего возраста. –
Неожиданное знакомство во дворике мечети Шишли.*

Этот удивительный город, полный роскоши и достопримечательностей, которых хватило бы на семь сказочных королевств, встретил меня запорошенными улицами и озябшими прохожими. А говорят, в Стамбуле не бывает снега... По старой детской привычке я сделала несколько шагов и обернулась, чтобы посмотреть на собственные следы, но кто-то высокий в сером пальто успел пройти по ним. Кругом были люди: спешащие по делам, курящие у подъездов домов, продающие горячие каштаны...

Я быстро протянула десять лир громкоголосому торговцу – и вот заветный кулек из коричневой бумаги у меня. «Носом ню-

Дружеское рукопожатие (вместо предисловия)

хай». – Показывает худощавый продавец Ахмет (конечно, его имя я узнаю гораздо позже), манерно закатывает глаза и так типично для южанина цокает языком и прищелкивает пальцами. Опускаю нос в бумажный пакетик – и тут же оказываюсь на вершине маленького, но все-таки блаженства: как тепло! А аромат!

Запах каштанов в этом городе прижился так же хорошо, как запах тушеной капусты в детском саду или сосисок с овсянкой в школьной столовой. Каждый дом пахнет тем, чем больше всего любят лакомиться его обитатели. И чем дольше они в нем живут, тем прочнее этот запах оседает на выцветших флизелиновых обоях, густой драпировке тяжелых портьер и винтажных диван-деках, призванных сохранять свежесть обивки кресел, которую никто никогда не видел и вряд ли помнит, какого она цвета.

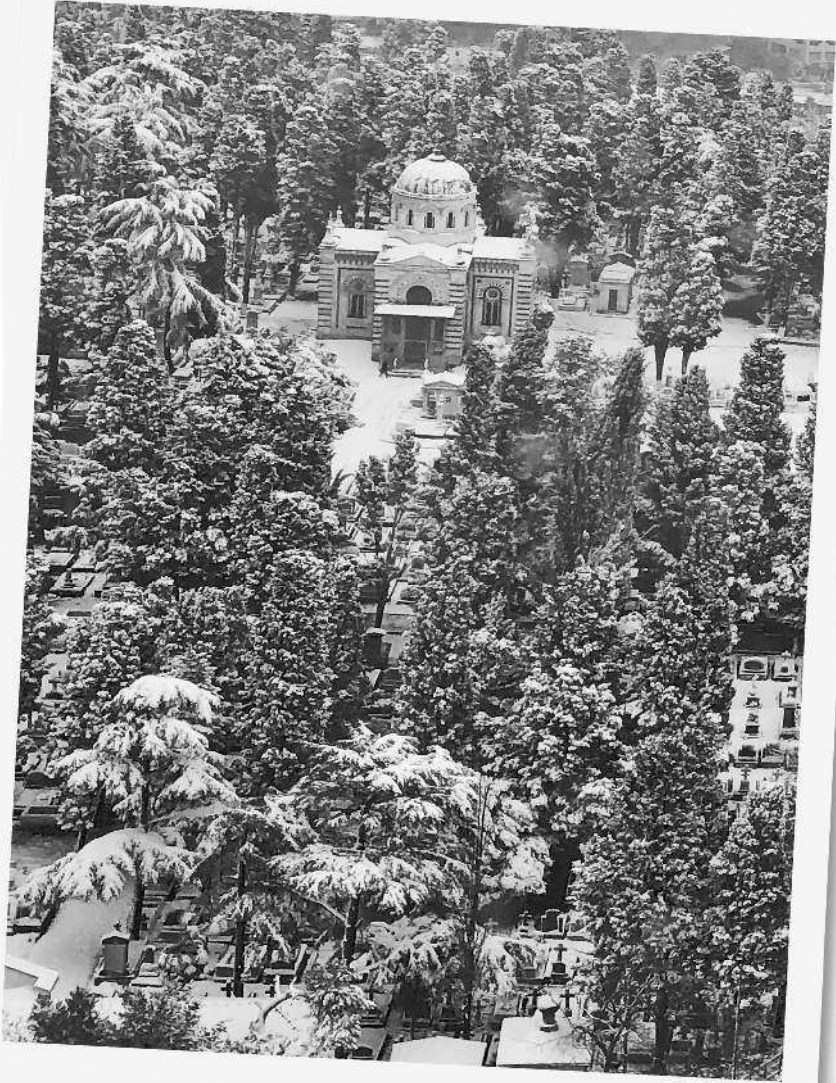
Я шла и с трудом счищала закоченевшими пальцами горячие угольки, приправленные свежими снежинками, только что упавшими с неба. Впереди показался Марриотт, чья верхушка терялась в снежном молочном вихре. Мне – туда.

Еще пару месяцев назад я сидела в любимом кафе в Ташкенте, потягивала шпинатно-яблочный смузи (идея сбросить лишние пять килограммов никогда не оставляла меня) и шурилась под мягкими лучами осеннего солнца. Было по-настоящему хорошо в том далеком уголке Центральной Азии, куда меня однажды забросила судьба, даже не поинтересовавшись о моем желании. А случилось все так...

История, которую, наверное, уже можно назвать историей моей жизни, началась с мимолетного взгляда на НЕГО на одном из дипломатических приемов в небольшом, но очень милом городе Минске. ОН, в свою очередь, задержал на мне взгляд на неприлично долгие три минуты, что в итоге и привело нас к алтарю (так обычно пишут в романах, мы же, конечно, отправились в районное отделение загса), где успешно скрепили обоюдное согласие не расставаться ни при каких обстоятельствах изящными росчерками под звуки Мендельсона в соседнем зале.

– Хорошо, что не заказали торжественную часть, – сказал ОН на выходе. – Все равно музыка была слышна...

В тот момент хотелось верить, что эта нарочитая практичность приведет нашу семью к устойчивому будущему, и так я считаю до сих пор.

ОН оказался дипломатом в хорошо известной международной организации, забрасывающей своих сотрудников в самые невероятные уголки мира, чтобы те решали проблемы голода и малярии на местах. Тогда эта благородная миссия казалась безумно романтичной.

Я представляла себя в безупречно сидящем костюме сарари в далекой экзотической стране, где непременно жаркое солнце, лазурное небо и добродушные местные жители, которыми мы помогаем выживать под песни цикад и шум океанического прибоя.

Возможно, на мои мечты с явным колониальным привкусом повлиял популярный в то время фильм Норы Эфрон «Джули и Джулия: Готовим счастье по рецепту» – сейчас уже сложно сказать. Главное, я дала согласие международному дипломату (которого мои подружки нежно окрестили Дипом) следовать за ним по пятам, куда бы нас ни забросила его карьера.

Последние пять лет мы провели в самом сердце Центральной Азии. Это были пять долгих лет, подаривших море незабываемых впечатлений. Первый год я училась дышать в узбекскую чиллю, когда столбик термометра приближался к отметке 50 градусов по Цельсию; затем я погрузилась в глубины узбекской кухни, скрупулезно изучив все этапы приготовления плова, мантов, ачик-чучука и чак-чака; потом я вернулась к писательству и наконец закончила когда-то начатые рукописи. И только после всего этого меня накрыла настоящая депрессия, о которой прежде я читала только в книгах.

– Кризис среднего возраста. Бальзак. – Со знанием дела заявил Дип, за что был лишен домашних ужинов на целую неделю. А я продолжала глубже и глубже постигать все тонкости эмоционального расстройства, которое меня скоро привело к хронической бессоннице и взявшейся невесть откуда аэрофобии.

Каждое утро, замешивая омлет с сыром, я удрученно думаю о том, как смешны теперь мои красные дипломы о высшем

На берегах Босфора

образовании (а было их целых три!), и даже несколько раз порывалась их сжечь, но никогда не находила спичек, хотя они всегда лежали в правом дальнем углу верхнего ящика комода. Теперь мне кажется, что та депрессия была сродни спектаклю, в котором я отвела себе главную трагическую роль, словно срежиссированную мной же. И пока все домашние старательно пытались понять мое состояние, нам пришло очередное письмо о новом месте службы.

* * *

Стамбул... Тогда я вряд ли понимала, что несет с собой эта долгосрочная командировка. Я просто погрузилась в рутинные сборы багажа и томные вечера трогательных прощаний с самым уютным садиком на планете, который мне удалось разбить в условиях субтропического климата солнечного Ташкента.

За годы скитаний мы обросли двумя дочерьми, антикварным шанно Петкоф, ста пятьюдесятью коробками личных вещей и несметным количеством чемоданов, с трудом пошествовавших в микроавтобус, встретивший нас в аэропорту Атамюрка.

И вот теперь я брела по незнакомым улицам совершенно чужого города, не понимая ни слова из задорных выкриков уличных торговцев. «Неужели это судьба, которую нужно принять?» – думала я, не находя в себе ни сил, ни желания на очередное погружение в дикий мегаполис, соединивший в себе десятки культур, прошедший путь великих цивилизаций, не покорившийся или не покоренный – мне совершенно не хотелось это знать.

Среди вихрей усилившегося снега жалобно застонала чайка, затерявшаяся в непогоде. И, будто вторя ей, затянул свою протяжную песню минарет центральной мечети на площади Шишли. Я заглянула в ее уютный дворик, сплошь занесенный снегом и оттого выглядевший невероятно сказочно. Именно

Дружеское рукопожатие (Вместо предисловия)